

С. А. Баканов, В. Е. Хлызов

Всесоюзная перепись жилищного фонда СССР 1960 г.: организация и итоги

Баканов

Сергей Алексеевич

д-р ист. наук, доц.,
Челябинский
государственный
университет
(Челябинск, Россия)

Хлызов

Владислав Евгеньевич

лаборант-
исследователь,
Челябинский
государственный
университет
(Челябинск, Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено при
поддержке гранта
Российского научного
фонда (РНФ), проект
№ 22-28-20168
«Предприятие и город
в позднесоветском
обществе 1950–
1980-х гг.: институты,
акторы и практики
взаимодействия
(на материалах
Челябинской
области)», <https://rscf.ru/project/22-28-20168/>

Введение

Право на жилище было закреплено в Конституции СССР только в 1977 г., однако патерналистски ориентированное советское руководство с самого начала считало обеспечение граждан этим благом государственной задачей и важным элементом своей социальной политики. Муниципализация и национализация жилья, осуществленная большевиками в 1917–1918 гг., привела к тому, что именно Советское государство, в лице своих агентов — местных советов, государственных учреждений и ведомств, стало фактическим распорядителем и собственником основной части жилищного фонда в стране. Необобществленный жилищный фонд, находившийся в личной собственности граждан, в основном концентрировался в сельской местности, но и в городах его доля оставалась довольно заметной, достигая 20–25 % жилой площади городского фонда. Необходимость распоряжения жильем в обобществленном секторе потребовала от государства создания системы учета жилья. Впервые он был организован в 1920 г. и затронул только обобщественную часть городского жилищного фонда. Затем в рамках Всесоюзной городской переписи населения 1923 г. была проведена перепись владений, строений и квартир всего городского населения. Сбор статистических данных, посвященных городскому жилищному фонду, находящемуся в личной собственности граждан, проходил в 1941, 1944, 1946 и 1950 гг., в то время как по сельской местности подобные данные вообще не соби-

рались. Учет обобщественного городского жилищного фонда осуществлялся путем сбора Центральным статистическим управлением (ЦСУ) СССР отчетов от местных советов, государственных учреждений и ведомств, заполненных по определенной форме. Такие единовременные учеты проводились практически ежегодно с 1936 по 1953 г. с некоторыми пропусками в военные годы, а затем в 1956 г. Кроме того, в отдельных случаях ЦСУ СССР готовило справки о состоянии и благоустройстве жилищного фонда и об обеспеченности населения жилой площадью по запросам высших советских руководителей. Как, например, в 1953 г. по запросу Л. М. Кагановича¹.

Во второй половине 1950-х гг. советское правительство предприняло реформы в деле организации жилищного строительства. Объемы ввода нового жилья в годы шестой пятилетки выросли вдвое по отношению к предыдущему периоду и должны были наращиваться в дальнейшем. Для рационального использования капиталовложений при реализации масштабной программы массового жилищного строительства и оценки эффективности самой программы, правительству потребовалось получение точных сведений о реальном наличии и состоянии жилищного фонда, его строительных характеристиках, благоустройстве и заселенности, причем в разрезе отдельных регионов и территорий. Такие сведения можно было собрать только путем единовременного проведения как переписи жилищного фонда, находящегося в личной собственности граждан, так и учета обобщественного жилищного фонда.

Всесоюзная перепись жилищного фонда СССР была организована и проведена в 1959–1960 гг. На союзном уровне ее материалы отложились в фонде 1562 Центрального статистического управления при Совете Министров СССР (ЦСУ СССР), хранящемся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Материалы переписи занимают 88 единиц хранения и сосредоточены в 14 описях. В основном данные документы представляют собой сводные таблицы по регионам, союзным республикам и СССР в целом. Методические рекомендации и пояснительные записки о проведении переписи ЦСУ СССР направляло в свои региональные инспектуры, поэтому данный пласт документации сохранился в основном в региональных архивах. Так, для настоящего исследования широко привлекались материалы фонда Р-485 (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области), хранящегося в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО). Всего в данном архиве материалы переписи занимают 206 единиц хранения.

В историографии советской жилищной и социальной политики материалы данной переписи остаются почти невостребованными. Это, на наш взгляд, связано с доминирующим исследовательским фокусом, который применительно к периоду 1950-х — 1960-х гг. направлен не на фиксацию текущего положения, а на сюжеты, связанные с реализацией программы массового строительства жилья. Масштабы и темпы нового строительства оказались в центре внимания историков уже в середине 1960-х гг., когда А. Е. Харитоновна² с историко-партийных позиций проанализировала причины перехода к массовому жилищному строительству и привела ряд статистических показателей, демонстрирующих

успехи в этом деле. С тех пор достижения в решении жилищного вопроса стали частью историографических представлений о предпосылках построения в СССР государства всеобщего благосостояния³ и зрелого индустриального общества⁴. Историографические тенденции последних двух десятилетий демонстрируют смещение акцента в сторону изучения проблемных зон решения жилищного вопроса и его регионального измерения. Так, массовое жилищное строительство в 1950–1960-е гг. в отдельных регионах Урала было освещено в диссертационных исследованиях Р. М. Давлетшиной⁵ и Ф. Ф. Харрасова⁶; в Поволжье — Г. В. Куриковой⁷ и Х. Х. Хуснуллина⁸; в Сибири и на Дальнем Востоке — Н. С. Головань⁹, А. Л. Тихонова¹⁰, А. В. Ярославцева¹¹, С. А. Власова¹², монографии С. С. Букина и В. И. Исаева¹³ и др.

В связи с тем, что для большинства исследователей материалы Всесоюзной жилищной переписи 1960 г. либо остаются неизвестными, либо их используют ограниченно, целью данной статьи является введение в научный оборот результатов переписи на общесоюзном уровне и изучение организационно-методических вопросов ее проведения.

Организация Всесоюзной жилищной переписи 1960 г.

25 марта 1959 г. вышло Постановление Совета Министров СССР № 322 «О мерах по улучшению эксплуатации и сохранению государственного жилищного фонда»¹⁴, в котором объявлялось о проведении Всесоюзной переписи жилья и об организации учета обобщественного жилищного фонда по состоянию на 1 января 1960 г. В августе 1959 г. это Постановление было дополнено решением, согласно которому необходимо было также провести и сбор данных о численности граждан, состоящих на учете в исполкоме для получения жилой площади¹⁵.

Для организации переписи в одной только РСФСР было привлечено 48,3 тыс. сотрудников. Большую часть из них (85 %) приняли в качестве непосредственных исполнителей — регистраторов. Оставшиеся 15 % — это инструкторы-контролеры и городские инспекторы¹⁶. Почти половина (49 %) привлеченных сотрудников уже имела опыт участия во Всесоюзной переписи населения 1959 г.; 73,5 % — составляли женщины. Для мотивации сотрудников была разработана система различных льгот и поощрений. Регистраторы на 14 рабочих дней освобождались от занятий в учебных заведениях и от основной работы с сохранением заработной платы, а инструкторы-контролеры на 20 рабочих дней¹⁷. Помимо сохранения заработной платы, устанавливался единовременный заработок в размере 125 руб. для регистраторов и 175 руб. для инструкторов-контролеров¹⁸. Такие суммы в качестве дополнительного заработка, особенно для студентов, были хорошим стимулом для участия в проведении переписи. Кроме того, всем регистраторам выдавалось специальное удостоверение работника переписи, которое наделяло правом на бесплатный проезд в трамваях, автобусах и троллейбусах на время проведения переписи¹⁹. Всем сотрудникам делалась благодарственная запись в трудовую книжку²⁰.

Кандидатуры регистраторов и инспекторов-контролеров утверждались исполнительными комитетами Советов депутатов трудящихся. Все регистраторы в обязательном порядке проходили инструктаж по программе переписи. После чего они должны были сдать экзамен на проверку знаний. Первоначальной задачей регистраторов было посещение жилых строений для разъяснения домовладельцам целей и задач переписи, а также обсуждения с ними времени посещения домов для осмотра и фиксации жилого объекта. На выполнение первой задачи отводилось три дня — с 28 по 31 декабря 1959 г. Затем в течение десяти дней — с 2 по 12 января 1960 г. — регистраторы заполняли ведомости домовладений путем опроса домовладельцев и осмотра дома²¹. Вся работа регистраторов проводилась под руководством инструкторов-контролеров, которые были обязаны проверять правильность заполнения всех ведомостей. После проведенной проверки ведомости сдавались инспектору ЦСУ.

При проведении Всесоюзной переписи жилья большое внимание уделялось разъяснительной работе среди населения. Прежде всего, необходимо было проинформировать домовладельцев о проведении переписи, чтобы они могли заранее подготовить сведения о жилом строении и тем самым ускорить заполнение регистраторами ведомостей домовладений. Кроме того, разъяснительная работа должна была уменьшить недоверие граждан к переписи и развеять некоторые слухи, распространяемые среди населения. Например, 11 ноября 1959 г. в газете «Советская Россия» вышла статья под названием «Шептуны мутят воду»²². Некий читатель этой газеты Б. Соколов обратился в редакцию с вопросом: «Верны ли разговоры о том, что после проведения переписи жилых домов, находящихся в личной собственности граждан, эти дома будут отобраны?» В связи с подобными слухами была организована активная пропагандистская кампания в средствах массовой информации. Только в газетах, издававшихся на территории РСФСР, в конце 1959 — начале 1960 гг. было опубликовано более 2100 статей, на радио и телевидении состоялось 1100 выступлений²³. Основное внимание в прессе уделялось обоснованию целесообразности проведения переписи, а также описанию тех непосредственных выгод, которые получают граждане в ее результате. Подчеркивалось, что без переписи жилья невозможно окончательно решить жилищный вопрос, обеспечить каждую семью отдельной благоустроенной квартирой и улучшить жилищные условия для всех граждан. Кроме того, перепись должна была способствовать правильному определению объема жилищного строительства в различных городах и поселках СССР²⁴.

Активно использовалась и наглядная агитация. В РСФСР было издано около 700 тыс. плакатов, блокнотов и обращений к домовладельцам, а в клубах, красных уголках предприятий, учреждений и организаций устанавливались стенды и доски показателей, характеризующих рост жилищного строительства и призывающих дать достоверные данные переписчикам жилищного фонда²⁵. Еще одной формой проведения разъяснительной работы было проведение бесед с населением, а также чтение лекций и докладов. В РСФСР 29 тыс. докладчиков и агитаторов прочитали около 40 тыс. лекций, которыми было охвачено свыше 1,6 млн чел., а также провели свыше 200 тыс. бесед, которыми

были охвачено около 2,5 млн чел.²⁶ В беседах, докладах и лекциях чаще всего подчеркивалось, что жилищная проблема распространена во всем мире, но при этом действительно она решается только в социалистических странах. Этот тезис подкреплялся статистическими выкладками о том, что в США 15 млн чел. живут в трущобах, 13 млн домов не отвечают санитарным условиям, 7 млн городских домов непригодны для жилья из-за их полной обветшалости и т. д.²⁷

Сама процедура переписи городского жилищного фонда, находящегося в личной собственности граждан, зимой 1959/60 г. прошла без особых происшествий. За исключением случая в Казахской ССР, когда на регистраторов во время обхода участков несколько раз нападали собаки²⁸. Тем не менее избежать некоторых недочетов при проведении переписи не получилось. Так, при заполнении ведомостей регистраторы неоднократно допускали существенные ошибки, а также неразборчиво заполняли данные, что затрудняло их дальнейшую обработку²⁹. Кроме того, несмотря на все приготовления, закончить проведение переписи в отведенный срок не удалось, так как часть регистраторов предоставили ведомости с опозданием³⁰. Однако в целом проведение переписи было признано удовлетворительным.

Учет обобществленного жилищного фонда проводился министерствами, совнархозами, кооперативными предприятиями, а также организациями и учреждениями, в чьем ведомстве находился жилищный фонд. Процесс учета происходил путем заполнения вышеперечисленными организациями отчетов по форме № 1-жф — «Отчет о наличии обобществленного жилищного фонда на 1 января 1960 г.» и № 2-жф — «Характеристика жилого строения»³¹. После чего все полученные отчеты сдавались городскому (районному) инспектору ЦСУ СССР. Инспектор проводил их проверку. Собранная информация сопоставлялась с данными отчетов о наличии жилищного фонда на 1 января 1956 г. и показателями строительства жилой площади за 1956–1959 гг., что позволяло исключить получение неточных или недостоверных данных со стороны организаций или ведомств. Исключением являлся учет жилищного фонда, подведомственного КГБ СССР: результаты без деления на края, области и города по месту нахождения жилищного фонда сразу сдавались в статистическое управление союзной республики³². После получения отчетов и ведомостей инспекторы ЦСУ СССР составляли сводки по городу, району города, поселку, сельскому району. На основе этих сводок составлялись таблицы предварительных итогов учета. В целях обеспечения большей точности данных все материалы учета и переписи жилищного фонда подлежали шифровке, перенесению на перфокарты и дальнейшей машинной обработке на счетно-аналитических машинах³³. После чего происходил процесс сопоставления таблиц основных итогов с таблицами предварительных итогов и осуществлялось выведение сводных итогов учета и переписи жилищного фонда. Крупных нарушений в ходе учета выявлено не было.

Методика проведения переписи и учета имела ряд важных особенностей, отразившихся на ее результатах. Во-первых, перепись не охватывала жилищный фонд сельской местности, находящийся в личной собственности граждан, что затрудняет любые общие оценки. Во-вторых, в подлежащий учету

жилищный фонд попадали все здания, в которых имелась жилая площадь, в том числе школы, больницы и административные учреждения³⁴. В-третьих, переписи подлежала жилая площадь, предназначенная для круглогодичного проживания. Если это условие выполнялось, то в жилищный фонд зачислялись дачи, сборно-разборные дома и некоторые другие типы строений. Но при этом переписи не подлежали юрты, чумы и землянки³⁵. В-четвертых, бараки как отдельный тип жилища в особую категорию жилья переписью не выделялись. Однако еще в 1950 г. они составляли 18 млн м², или около 9% всего городского обобщественного жилищного фонда, и в них проживало более 3,5 млн чел.³⁶ В-пятых, важным критерием было наличие постоянно проживающих жильцов. Например, в строениях, требующих неотложного ремонта, учитывалась лишь заселенная часть жилой площади³⁷.

Существовали и нормативы по оценке благоустройства. Например, оборудованной водопроводом считалась жилплощадь, если водопровод был проведен внутрь здания, вне зависимости от источника воды. В качестве источника мог служить и колодец, в случае если вода из него выкачивалась при помощи электромотора и подавалась по трубам. При этом если на улице рядом с жилым зданием находились водопроводная колонка или кран, для использования которых необходимо было выйти из жилого помещения, то такая жилая площадь отмечалась как «не оснащенная водопроводом». Схожий принцип был и с учетом наличия канализации: благоустроенными считались строения, внутри которых была установлена канализация. При этом наличие канализации в каждой квартире было необязательным³⁸. Для учета благоустройства центральным отоплением было необходимо наличие котла для подогрева воды, а также труб для проводки воды по комнатам³⁹. Оборудованная газом жилплощадь учитывалась лишь в том случае, когда в ней была установлена какая-либо газовая аппаратура — плита, колонка, водогрейный котел или проведено газовое отопление. Оборудованной ванной или душем считалась вся жилая площадь квартир, в которых установлена ванна или душ, независимо от того, установлены они в отдельной комнате или в другом приспособленном для этой цели помещении в других строениях. Важно отметить, что жилая площадь не считалась оборудованной душем в том случае, если отсутствовало оборудование для подогрева воды и душем можно было пользоваться только в летнее время⁴⁰. Для учета жилой площади как оборудованной электрическим освещением, как и в случае с другими видами благоустройств, было совсем не обязательно, чтобы освещение имелось на всей жилой площади: достаточно и того, чтобы подводка электросети была лишь в части комнат⁴¹.

Структура жилищного фонда СССР

Всего переписью и учетом было охвачено 66,8 млн чел. В масштабах всего СССР было выявлено 12,2 млн жилых строений с жилой площадью 659,1 млн м², в которых проживали 109,1 млн чел; 90% охваченных переписью строений (11 млн домов, с жилой площадью более 591 млн м² и населением 97,4 млн чел.) находилось в городской местности (в которую, согласно переписи, включались

города, поселки городского типа и населенные пункты, подчиненные гор- и поссоветам). Доля обобщественного фонда в городах составляла по жилой площади 57,4 %, соответственно, на фонд, находящийся в личной собственности граждан, приходилось 42,6 %. По числу проживающих соотношение было примерно таким же — 56,6 на 43,4 %. Однако по числу строений городской фонд, находящийся в личной собственности граждан, заметно преобладал и составлял 9,1 млн (82 %) всех жилых зданий. Если в городском обобщественном фонде средняя населенность жилых строений была около 28,6 чел. на одно здание, то в личном — только 4,6 чел. Это объясняется тем, что большую часть личного фонда в городской местности составляли небольшие по площади одноэтажные дома (в среднем около 28 м² жилой площади) усадебного типа, в которых проживали одна или две семьи. В сельской местности, где переписывался только обобщественный жилищный фонд, было выявлено 1,1 млн жилых зданий с жилой площадью более 68 млн м², где проживало 11,7 млн чел⁴².

Таблица 1

Этажность жилых строений обобщественного фонда СССР на 1 января 1960 г.

Строение	Количество строений в городской местности, ед.	Количество строений в сельской местности, ед.
Одноэтажное	1 447 602	1 123 032
Двухэтажное	381 171	32 976
Трехэтажное	48 176	638
Четырехэтажное	23 875	99
Пятиэтажное	16 208	35
Шестиэтажное и выше	4938	0
Всего	1 921 970	1 156 780

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3010. Л. 5, 25.

Как видно из табл. 1, в сельской местности (в обобщественном фонде) 97 % зданий составляли одноэтажные дома. В городской местности обобщественный фонд также был представлен в основном одноэтажными строениями (75,3 %). Однако если добавить к нему более 9 млн одноэтажных домов из личного фонда, то получится, что советские города в 1960 г. также оставались по большей части одноэтажными. Суммарное число жилых зданий в два и более этажей оказалось около 500 тыс., или 4,5 % от 12,2 млн домов, охваченных переписью.

При проведении переписи все здания по материалу стен подразделялись на семь типов: блочные и панельные, кирпичные, каменные, деревянные рубленые и брусчатые, деревянные каркасные и щитовые, а также здания из смешанных материалов (жилые дома, у которых первый этаж был кирпичный или каменный, второй — деревянный рубленый или брусчатый⁴³, или дере-

Таблица 2

Жилые здания обобщественного фонда СССР по материалу стен на 1 января 1960 г.

Материал стен	Количество зданий в городской местности, ед.	Количество зданий в сельской местности, ед.
Камень, кирпич, панели и блоки	662 081	147 467
Дерево и смешанные материалы	1 084 896	776 594
Прочие	174 993	232 719
Всего	1 921 970	1 156 780

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3010. Л. 1, 3, 5, 7; Д. 3090. Л. 1.

вянные строения, обложенные кирпичом⁴⁴) и из прочих материалов (строения из камышита, самана и сырца). Для удобства анализа статистических данных в итоговых документах переписи они объединялись в три укрупненные группы (табл. 2). В сельской местности большинство зданий составляли постройки из дерева (67 %) и из прочих материалов (20 %). В то же время доля каменных и кирпичных зданий была незначительной — около 13 %. В городской местности больше половины всех зданий по материалу стен (56 %) также занимали деревянные дома. Вместе с тем доля каменных, кирпичных, панельных и блочных зданий здесь была заметно выше — более 34 %, на долю сооружений из прочих материалов оставалось около 9 %.

Отдельное внимание в переписи уделялось ведомственной принадлежности городского обобщественного жилого фонда. В данном секторе из общего объема жилой площади в 591 млн м² местным Советам принадлежало 32,2 % жилья, совнархозам и подчиненным им предприятиям — 38,1 %, союзным министерствам и ведомствам (в том числе Министерству обороны, Министерству юстиции, Министерству путей сообщения) — 18,7 %; союзно-республиканским и республиканским министерствам и ведомствам — 11,1 %⁴⁵. Доля местных Советов была выше на территориях, относительно недавно вошедших в состав СССР, — Прибалтики и Молдавии, а также в городах союзного подчинения — Москве и Ленинграде. Доля совнархозов была существенно выше общесоюзных значений только в Казахской и Украинской ССР. Для республик Средней Азии характерно было высокое значение доли ведомственного жилья, принадлежащего союзным (21–26 %) и союзно-республиканским (26–28 %) министерствам и ведомствам. Значения по РСФСР были близки к общесоюзным.

Перепись учитывала несколько качественных разновидностей жилых помещений. Дома с поквартирным расселением (в том числе и переоборудованные бараки) составляли 86 % от обобщественного фонда и имели суммарную жилую площадь свыше 357 млн м². Однако не менее 4,8 млн м² из них приходилось на аварийные дома⁴⁶.

Общежития (в число которых также частично входили переоборудованные бараки) имели 42,1 млн м² жилой площади, или 10,1 % от общего объема

обобщественного фонда. К данной категории жилья относились не только общежития для рабочих и студентов, но также казармы и помещения для размещения заключенных. Сохранность материалов переписи не позволяет назвать точное число всех проживавших в общежитиях и рассчитать среднее количество жилой площади, приходящейся на одного жильца. Однако если учитывать только тех, кто проживал в общежитиях, принадлежавших Советам народного хозяйства и республиканским ведомствам, то таких граждан набирается более 5,3 млн чел. По своей ведомственной принадлежности жилой фонд в общежитиях распределялся следующим образом: союзные министерства владели 7 % этого фонда, республиканские ведомства — 34 %, совнархозы — 26 %, местные Советы — 30 %⁴⁷.

Около 2 % (7,4 млн м²) от всего обобщественного фонда жилищного фонда составляла жилая площадь, находившаяся в нежилых строениях. Как правило, она имелась в зданиях школ, больниц, домов культуры и административных учреждениях⁴⁸. Всего в таких помещениях на 1 января 1960 г. проживало 1,1 млн чел.⁴⁹ Еще одной категорией жилья считались подвальные помещения, имевшие жилую площадь около 3,3 млн м², в которой проживало более 580 тыс. чел.⁵⁰ Следует заметить, что 75 % жилья в подвалах принадлежало местным Советам. В нежилых помещениях 58 % жилой площади приходилось на жилищный фонд союзно-республиканских ведомств, по 13 % — на фонд местных Советов и совнархозов, и 9 % — на союзные министерства.

Благоустроенность жилья

Уровень благоустройства жилья заметно отличался в городской и сельской местности. Так, в сельской местности в обобщественном фонде водопроводом было обеспечено только 4,5 % жилой площади, канализацией — 3,5 %, центральным отоплением и теплофикацией — 4,5 %, горячим водоснабжением — 0,2 %, газом — 0,6 %⁵¹. В городской местности благоустроенность жилья была существенно выше, но здесь ее уровень отличался в зависимости от принадлежности домов к обобщественному или необобщественному фонду. Так, в обобщественном фонде из 339,1 млн м² жилой площади 190 млн м², или 56 %, было оборудовано водопроводом, 177,9 млн м² (52,4 %) — канализацией, 147,9 млн м² (43,6 %) — центральным отоплением и теплофикацией, 98,2 млн м² (28,9 %) — газом, 102,2 млн м² (30,1 %) — ванной или душем⁵². В то время как в фонде, находящемся в личной собственности, преобладали тенденции, более характерные для сельской местности. Здесь водопроводом было оборудовано только 4,2 % жилья, канализацией — 1,3 %, центральным отоплением — 2,1 %, газом — 2 %, ванной или душем — 0,9 %⁵³.

Уровень благоустройства был выше в городском жилищном фонде, принадлежащем местным Советам. Водопроводом здесь было охвачено 57 % жилья, канализацией — 54 %, газом — 47 %. В то время как фонд, принадлежавший республиканским ведомствам, демонстрировал двукратное отставание от общесоюзных значений по всем видам благоустройства: водопровод — 25 %, канализация — 23 %, центральное отопление — 19 %, горячее водоснабжение — 4 %, газ — 10 %⁵⁴.

Таблица 3

Доля благоустроенного городского жилищного фонда по союзным республикам и видам благоустройства на 1.01.1960 (%)

Республика	Водопровод	Канализация	Центральное отопление	Газ	Ванна/душ
РСФСР	38	34	32	20	20
Украинская ССР	31	28	20	17	17
Белорусская ССР	24	21	18	3	13
Узбекская ССР	9	7	6	5	5
Казахская ССР	15	12	16	1	8
Грузинская ССР	34	31	12	3	11
Азербайджанская ССР	36	32	11	50	16
Литовская ССР	38	35	14	3	17
Молдавская ССР	22	18	11	23	11
Латвийская ССР	55	54	18	20	27
Киргизская ССР	13	7	6	2	5
Таджикская ССР	9	8	6	2	5
Армянская ССР	34	27	19	2	15
Туркменская ССР	11	10	7	10	8
Эстонская ССР	54	55	19	15	27

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14 Д. 3010. Л. 98, 103.

По республикам СССР ситуация с благоустройством жилья также заметно отличалась. В табл. 3 приведены расчетные данные, объединившие значения по благоустройству как обобществленного, так и необобществленного городского жилищного фонда. Из этих данных видно, что разница в уровне оснащенности отдельными видами благоустройства между республиками могла достигать нескольких раз. Наибольший уровень оснащенности водопроводом, канализацией и ванными комнатами (ванна/душ) был достигнут в республиках Прибалтики. По оборудованию домов газом с большим отрывом лидировала Азербайджанская ССР. Центральным отоплением были лучше оснащены города РСФСР. В то время как республики Средней Азии отставали от лидеров в пять-девять раз по всем видам благоустройства, а по оснащенности газом разрыв между лидером (Азербайджанская ССР) и аутсайдером (Казахская ССР) достигал рекордных пятидесяти раз.

Вместе с тем следует заметить, что даже в самых благополучных республиках Прибалтики существовала значительная разница между уровнем

благоустройства в крупных и относительно небольших городах. Например, в Шяуляе (Литовская ССР) доля личного жилищного фонда, оснащенного водопроводом, составляла 3 %, канализацией — 2,9 %⁵⁵. В то время как в Клайпеде (также Литовская ССР) показатели благоустроенности личного жилищного фонда водопроводом достигали 40 %, а канализацией — 23 %⁵⁶. Аналогичная ситуация наблюдалась и в обобщественном фонде: в Клайпеде доля жилищного фонда, оборудованного водопроводом, составляла 78 %, а в Шяуляе только 6 %, канализацией — 73 и 5 % соответственно. Наиболее благоустроенными были столицы союзных республик. Например, в Риге в 46 % личного фонда города был проведен водопровод, в 29 % имелась канализация и в 22 % ванная комната⁵⁷.

В материалах ЦСУ СССР, посвященных переписи жилищного фонда, присутствуют справки, позволяющие сравнить приведенные выше показатели благоустройства с положением в некоторых развитых капиталистических странах. Так, по данным ЦСУ, в США уже к 1951 г. водопроводом было оборудовано 95 % городского жилья, в Швеции 88 % имелось уже к 1945 г., в Великобритании — 83 % к 1951 г., во Франции и Италии к 1954 г. был достигнут уровень в 75 и 72 %, в Австрии — 45 %. По оснащенности городских домов газом лидировала ФРГ, достигшая к 1955 г. уровня в 81 %, затем шли Франция — 78 % и США — 70 %, Австрия — 55 %. Ваннанные комнаты или душ имелись в 87 % городской жилплощади США, 64 % — Великобритании, 47 % — ФРГ⁵⁸. Сравнение оказывалось явно не в пользу СССР. Даже самые благополучные в плане благоустройства республики Прибалтики заметно уступали большинству западноевропейских стран, находясь приблизительно на уровне Австрии, которая в те годы сама отставала от своих соседей по большинству показателей благоустройства. В то время как азиатские территории СССР на фоне Европы выглядели безнадежно отставшими.

Обеспеченность граждан жилой площадью

Для оценки обеспеченности советских граждан жильем при проведении переписи ЦСУ использовал три статистических критерия: средняя жилая площадь на одного проживающего, количество жилых комнат на тысячу жителей и численность граждан, состоящих на учете для получения жилой площади.

По первому критерию результаты получились следующими: в сельской местности в среднем на одного жителя в обобщественном фонде приходилось 5,5 м² жилой площади, а в городской местности — 6,1 м² ⁵⁹. Ранее считалось, что проживание населения в городах должно вести к его скученности и уменьшению, по сравнению с сельской местностью, душевых значений жилой площади. Поэтому полученный результат показался достаточно неожиданным для разработчиков переписи и потребовал от них дополнительных комментариев. ЦСУ объяснило это тем, что за 1956–1959 гг. в обобщественном городском фонде было построено 55 млн м² жилой площади, а сам этот фонд увеличился на 30,5 %, в то время как в сельской местности обобщественный фонд вырос только на 5 млн м², или на 10,8 %⁶⁰.

Таблица 4

Средняя обеспеченность жилой площадью в городах по союзным республикам на 1.01.1960

Республика	Вся жилая площадь (млн м ²)	Количество проживающих (млн чел.)	Средняя жилая площадь (м ² на чел.)	Число комнат (на тыс. чел.)
РСФСР	356,5	59,7	5,9	420
Украинская ССР	118,8	18,9	6,2	449
Белорусская ССР	14,7	2,4	6	426
Узбекская ССР	15,8	2,6	5,9	406
Казахская ССР	22,5	3,9	5,7	418
Грузинская ССР	11,8	1,6	7,1	435
Азербайджанская ССР	9,9	1,7	5,5	357
Литовская ССР	6,5	0,9	6,5	443
Молдавская ССР	3,7	0,6	5,8	445
Латвийская ССР	9,2	1,1	8	507
Киргизская ССР	3,4	0,6	5,5	405
Таджикская ССР	3,5	0,6	5,4	406
Армянская ССР	5	0,8	5,6	329
Туркменская ССР	4,2	0,6	6,2	423
Эстонская ССР	4,9	0,6	7,5	498

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14 Д. 3010. Л. 98.; Д. 3002. Л. 13.

Как видно из табл. 4, наиболее обеспеченными жилой площадью на душу населения были Латвийская, Эстонская и Грузинская ССР, где этот показатель превышал 7 м² на человека. Самая низкая обеспеченность жилой площадью наблюдалась в Таджикской, Киргизской и Армянской ССР, где на человека приходилось менее 5,6 м². Однако внутри самих республик ситуация также менялась от региона к региону. В качестве примера можно рассмотреть РСФСР, где средняя обеспеченность жилой площадью составляла 5,9 м². При этом некоторые области и автономные республики в составе РСФСР имели несколько лучшую обеспеченность: Калининградская область — 7,2 м², Ставропольский край — 7 м², Чечено-Ингушская АССР — 7 м². В то время как в Удмуртской АССР приходилось только 5,2 м², а в Московской и Магаданской областях — 5,3 м² на человека⁶¹.

По второму критерию (число комнат на тысячу жителей) союзные республики оказались довольно близкими, что говорит о сложившихся в СССР

стандартах городского жилья и практиках расселения. Фактически в каждой республике на одну комнату в среднем приходилось 2–2,5 жильца, а в Армянской ССР — более трех. Для сравнения, в Бельгии и Великобритании одна комната приходилась на 0,75 чел., в Швеции, Австрии и Франции — 0,9 чел., в ФРГ, Италии и Чехословакии — 1,1–1,3 чел. По данному показателю республики (за исключением республик Закавказья и Средней Азии) могли сравниться лишь со странами Восточной Европы, где стандарты жилья были относительно схожими. Так, в Польше на одну комнату приходилось 1,8, а в Югославии — 2,3 чел.⁶²

Помимо сбора данных о характеристике жилищного фонда, перепись 1960 г. также учитывала и численность граждан, состоящих на учете для получения жилой площади. Все вставшие на учет граждане делились на три категории. Первую составляли лица, не имевшие жилой площади и проживавшие в момент учета как квартиросъемщики. Вторую — лица, имевшие жилую площадь на одного проживавшего меньше установленной нормы. Третью — лица, проживавшие в подвалах и в ветхих или аварийных домах⁶³.

Всего на 1 января 1960 г. в СССР в органах местного самоуправления на учете по получению жилья стояло 5 252 852 чел.⁶⁴ Это составляло 2,5 % от всех граждан, проживающих в СССР, согласно результатам переписи населения 1959 г. (208,8 млн чел.)⁶⁵. Однако стоит заметить, что приведенные цифры не отражают в полной мере ситуацию с нехваткой жилья в стране. Так как перепись не учитывала граждан, состоящих на учете для получения жилой площади не в местных Советах, а на предприятиях, в учреждениях и организациях⁶⁶.

В качестве примера можно привести ситуацию с учетом населения, нуждающегося в жилой площади в Минске. По данным переписи в городе на учете для получения жилья состояло 28 162 чел., между тем еще 91 375 чел. стояли в очереди для получения жилья на предприятиях и переписью не учитывались⁶⁷. Также в статистическом учете не отражались данные, касающиеся жителей аварийных домов, подлежащих сносу в ближайшее время, поскольку они должны были получать жилую площадь вне очереди. В Минске в таких жилых помещениях проживало 18 476 чел.⁶⁸ Таким образом, перепись охватывала лишь малую часть от реального количества людей, нуждающихся в улучшении жилищных условий. В том же Минске из фактического числа нуждающихся (138 013 чел.) в переписи учитывалось только 28 162 чел., или 20,4 %.

Кроме того, использовавшиеся в переписи критерии для учета нуждающихся не позволяли получить полную картину, поскольку показатель установленной нормы жилой площади на человека утверждался для каждого города в индивидуальном порядке. Например, в Литовской ССР для Вильнюса жилищная норма составляла 3 м², а для Каунаса — 4 м².⁶⁹ Такой гибкий подход позволял варьировать норму в зависимости от экономических возможностей региона, что значительно уменьшало число очередников. Тем не менее, несмотря на то, что норма жилой площади в Вильнюсе была одной из самых низких в СССР, на учете в этом городе состояло 44 233 чел.⁷⁰, или 18,7 % жителей города. В столице Киргизской ССР городе Фрунзе на учете состояло 50 632 чел.⁷¹, или 23 % от всей численности жителей города⁷². С другой стороны, в областном центре РСФСР — городе Челябинске, где норма жилплощади для постановки

на учет варьировалась в зависимости от городского района (от 4 до 6 м²), в очереди на получение жилья, по данным горисполкома, стояло 19 672 чел. Из них 10 537 чел. — по причине отсутствия жилья, 5619 чел. — в связи с тем, что их жилая площадь на одного проживающего была ниже установленной нормы, 3716 чел. — так как они проживали в подвалах и домах, подлежащих сносу⁷³. От общего числа жителей города очередники составляли всего 2,8 %. Это без учета лиц, стоявших в очереди на предприятии без постановки на учет в горисполкоме. Однако их число должно быть значительным, так как в обобщественном фонде Челябинска доля ведомственного жилья, принадлежащего предприятиям и организациям, превышала 80 %.

Заключение

Всесоюзная жилищная перепись 1959–1960 гг. была самым масштабным из мероприятий подобного рода, проводившихся в СССР. Однако ее материалы так и не были опубликованы. По всей видимости, это было связано с тем, что полученные результаты переписи зафиксировали только самое начало развертывания массового жилищного строительства в стране и потому оказались не столь благополучными, как ожидали ее организаторы. Более того, в последующие десятилетия от практики проведения отдельных жилищных переписей правительство вообще откажется в пользу сбора отчетной документации с муниципалитетов о состоянии их жилищного фонда, а также в пользу ежегодного учета состояния зданий и других объектов в бюро технической инвентаризации. Лишь некоторые из вопросов жилищной переписи будут отражены в опросниках, которые имели место в ходе проведения переписей населения СССР в 1970–1980-е гг. Частично материалы переписи использовались при разработке «Генеральной перспективы развития народного хозяйства на период по 1980 г.», которая готовилась Госэкономсоветом в течение 1960 г., а оттуда попали в Третью программу КПСС. Однако смена политического курса в середине 1960-х гг. и отказ от идеи долгосрочного планирования привели к тому, что материалы переписи оказались более не востребованы властью и почти неизвестными исследователям.

С методической стороны, организация переписи и учета также не была лишена определенных недостатков, которые затрудняют интерпретацию аккумулярованных в них данных. Так, перепись не учитывала фонд, находящийся в личной собственности граждан в сельской местности. В защиту организаторов переписи здесь можно заметить, что в полном объеме этот фонд начнет учитываться только в 2000-е гг. в связи с переходом на рыночные формы жилищных отношений и принятием новых Гражданского и Жилищного кодексов. Кроме того, как количественным, так и качественным оценкам состояния жилищного фонда на рубеже 1950–1960-х гг. препятствует отказ от учета землянок и невыделение в отдельную категорию барачного фонда. Возможно, эти решения могут быть объяснены неким «соцреалистическим» взглядом на то, что данный «временный» фонд в ближайшие годы будет заменен на благоустроенное жилье

и потому его не стоит учитывать в долгосрочных планах. Однако такой подход, безусловно, вел к некоторому самообману.

Перепись зафиксировала изложенный языком цифр облик большинства советских городов, которые к 1960 г. оставались (за исключением столиц и некоторых крупных городов) по большей части деревянными и одноэтажными, с небольшими вкраплениями каменных кварталов постройки начала XX в. и периода индустриализации, а также панельных новостроек второй половины 1950-х гг. Уровень благоустройства жилья был еще крайне низким, особенно в сельской местности, и существенно уступал показателям развитых капиталистических стран. Начавшееся во второй половине 1950-х гг. массовое жилищное строительство не поспевало за постоянно растущими потребностями индустриальных городов в новом жилье из-за нарастающего потока мигрантов из сельской местности. Входящий в интенсивную фазу урбанизационный процесс сводил на нет усилия, предпринимаемые правительством в жилищной сфере, а очереди на получение жилья продолжали расти.

¹ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф.1562. Оп.33. Д.1682. Л.88–132.

² Харитонова А. Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 50–64.

³ Иванова Г. М. На пороге «государства всеобщего благосостояния»: социальная политика СССР (середина 1950-х — начало 1970-х гг.). М., 2011.

⁴ Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003.

⁵ Давлетшина Р. М. Массовое жилищное строительство на Южном Урале: 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2018.

⁶ Харрасов Ф. Ф. Жилищное строительство в Башкирской ССР 1945–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2016.

⁷ Курикова Г. В. Основные направления и противоречия массового жилищного строительства в Горьковской области в 1954–1965 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017.

⁸ Хундуллин Х. Х. Становление и развитие жилищного строительства в Татарстане в 1920–1959 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.

⁹ Головань Н. С. Государственная жилищная политика в городах Кемеровской области (1943 — конец 1950-х гг): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006.

¹⁰ Тихонов А. Л. Исторический опыт реализации государственной жилищной политики в городах Бурятии в конце 1950-х — 1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2016.

¹¹ Ярославцев А. В. Государственная жилищная политика на Дальнем Востоке СССР в 1950–1960-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2011.

¹² Власов С. А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке в 1946–1991 гг.: исторический опыт, роль в решении жилищной проблемы и социальном развитии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2014.

¹³ Букин С. С., Исаев В. И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920–1960-е гг.). Новосибирск, 2009.

¹⁴ Постановление Совмина СССР от 25.03.1959 № 322 «О мерах по улучшению эксплуатации и сохранению государственного жилищного фонда». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=100001&n=38282&req=doc0485277472746610> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁵ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф.Р-485. Оп.26. Д.11. Л.95.

¹⁶ РГАЭ. Ф.1562. Оп.14. Д.3011а. Л.12.

- 17 ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 11. Л. 47.
- 18 Там же. Д. 6. Л. 51.
- 19 Там же. Д. 11. Л. 47.
- 20 Там же. Д. 5. Л. 45 об.
- 21 Там же. Д. 12. Л. 1.
- 22 Там же. Л. 32.
- 23 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3011а. Л. 19.
- 24 ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 11. Л. 48.
- 25 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3011а. Л. 19.
- 26 Там же.
- 27 ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 12. Л. 9.
- 28 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3011а. Л. 340.
- 29 ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 11. Л. 130.
- 30 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3011а. Л. 16.
- 31 ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 5. Л. 1.
- 32 Там же. Д. 10. Л. 74.
- 33 Там же. Л. 9.
- 34 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3011а. Л. 36.
- 35 ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 10. Л. 24 об.
- 36 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1682. Л. 93, 94.
- 37 ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 10. Л. 78 об.
- 38 Там же. Д. 14. Л. 42.
- 39 Там же. Д. 10. Л. 25.
- 40 Там же. Д. 11. Л. 103.
- 41 Там же. Д. 10. Л. 25.
- 42 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3010. Л. 1, 39.
- 43 ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 14. Л. 121.
- 44 Там же. Д. 10. Л. 77, 203.
- 45 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3004. Л. 3–4.
- 46 Там же. Д. 3010. Л. 1, 202 об.
- 47 Там же. Д. 3004. Л. 202–202 об.
- 48 Там же. Д. 3011а. Л. 36.
- 49 Там же. Д. 3010. Л. 203.
- 50 Там же.
- 51 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Л. 213 об.
- 52 Там же. Л. 103.
- 53 Там же.
- 54 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3004. Л. 3–4.
- 55 Там же. Д. 3011б. Л. 22.
- 56 Там же.
- 57 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Л. 257.
- 58 Там же. Д. 3010. Л. 98, 103.
- 59 Там же. Д. 3011б. Л. 207 об.
- 60 Там же. Д. 3011а. Л. 36.
- 61 Там же. Л. 53.
- 62 Там же. Л. 43.
- 63 ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 95. Л. 50 об.
- 64 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3011. Л. 5.
- 65 Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1960. С. 3.
- 66 ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 95. Л. 50 об.
- 67 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 3011а. Л. 181.
- 68 Там же.

⁶⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 30116. Л. 26.

⁷⁰ Там же. Д. 3011. Л. 6.

⁷¹ Там же.

⁷² Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР... С. 28.

⁷³ ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 26. Д. 95. Л. 18.

Статья поступила в редакцию 3 октября 2022 г.

Рекомендована к печати 29 декабря 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Баканов С. А., Хлызов В. Е. Всесоюзная перепись жилищного фонда СССР 1960 г.: организация и итоги // *Новейшая история России.* 2023. Т. 13, № 2. С. 482–499. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.215>

Аннотация: В центре внимания авторов находится Всесоюзная перепись жилищного фонда, проводившаяся в СССР на рубеже 1959–1960 гг. В статье исследованы организационные формы осуществления учета жилья в СССР, изучены вопросы организации и проведения конкретной переписи, рассмотрены методические проблемы, с которыми сталкивается исследователь при интерпретации ее результатов, проанализированы итоги переписи и учета жилищного фонда СССР по состоянию на 1 января 1960 г. В статье приводятся критерии, по которым советское руководство относило конкретное строение к определенной категории жилища, а также учитывало степень его благоустроенности. В масштабах всего СССР перепись учла 12,2 млн жилых строений с жилой площадью 659,1 млн м², в которых было расселено 109,1 млн чел. В сельской местности за пределами переписи оказался жилищный фонд, находящийся в личной собственности граждан. Приводятся данные об этажности жилых строений, материалах, из которых они были построены, описываются качественные характеристики жилья и обеспеченность отдельными видами благоустройства (канализацией, центральным отоплением, водоснабжением, газом). Отдельно авторы останавливаются на вопросе обеспеченности советских граждан жилой площадью. Сделан вывод, что средние значения в 5,9 м² жилой площади на человека являются довольно приблизительной оценкой, так как нормы обеспеченности жилой площадью устанавливались местными Советами в зависимости от сложности ситуации с жильем в конкретном городе или районе. Это было необходимо властям для регулирования очередей на жилье. Перепись зафиксировала изложенный языком цифр облик большинства советских городов, которые к 1960 г. оставались (за исключением столиц и некоторых крупных городов) по большей части деревянными и одноэтажными, с небольшими вкраплениями каменных кварталов постройки начала XX в. и периода индустриализации, а также панельных новостроек второй половины 1950-х гг.

Ключевые слова: жилищный вопрос, СССР, жилищная политика, жилье, массовое жилищное строительство, Хрущев.

Сведения об авторах: *Баканов С. А.* — д-р ист. наук, доц., Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия); bakanov-s@mail.ru | *Хлызов В. Е.* — лаборант-исследователь, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия); hlyzov.vlad@mail.ru

Челябинский государственный университет, Челябинск, 454001, ул. Братьев Кашириных, 129

FOR CITATION

Bakanov S. A., Khlyzov V. E. 'All-Union Housing Census of the USSR in 1960: Organization and Results', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 2, 2023, pp. 482–499. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.215> (In Russian)

Abstract: The article examines the organizational forms of housing accounting in the USSR and analyzes the results of the census and accounting of the housing stock of the USSR as of January 1, 1960. The article presents

the criteria by which the Soviet leadership attributed a specific structure to a certain category of housing and also took into account the degree of its convenience and amenities. Throughout the USSR, the census registered 12.2 million residential buildings with a living area of 659.1 million m², in which 109.1 million people were settled. In rural areas, the housing stock, being the personal property of citizens, was outside the census. The article provides data on the number of floors of residential buildings, the materials of the walls, describes the qualitative characteristics of housing and the provision of certain types of conveniences — sewerage, central heating, water supply, gas. The authors also consider the issue of providing Soviet citizens with living space. They come to the conclusion that the average space of 5.9 m² per person is a rather approximate estimate since the standards for the provision of living space were set by local councils depending on the complexity of the housing situation in a particular city or district. These standards were necessary for the authorities to regulate housing queues. The census's figures reflected the appearance of the majority of Soviet cities, which by 1960 remained (with the exception of capitals and some large cities) mostly wooden and one-storey, with small inclusions of stone blocks built at the beginning of the twentieth century and the period of industrialization as well as panel new buildings of the second half of the 1950s.

Keywords: housing issue, USSR, housing policy, housing, mass housing construction, Khrushchev.

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 22-28-20168 "Enterprise and City in Late Soviet Society in 1950–1980s: Institutions, Actors and Practices of Interaction (on materials of Chelyabinsk Oblast)".

Authors: *Bakanov S. A.* — Dr. Sci. in History, Associate Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia); bakanov-s@mail.ru | *Khlyzov V. E.* — Assistant Researcher, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia); hlyzov.vlad@mail.ru

Chelyabinsk State University, 129, ul. Brat'yev Kashirinykh, Chelyabinsk, 454001, Russia

References:

- Bukin S. S., Isaev V. I. *Housing Problem in Siberian Cities (1920–1960s)* (Novosibirsk, 2009). (In Russian)
- Davletshina R. M. *Mass housing construction in the Southern Urals: 1953–1964* [Candidate of History Dissertation] (Orenburg, 2018). (In Russian)
- Golovan N. S. *State housing policy in the cities of the Kemerovo region (1943 — Late 1950s)* [Candidate of History Dissertation] (Tomsk, 2006). (In Russian)
- Harrasov F. F. *Zhilishchnoe Stroitelstvo v Bashkirskoj SSR 1945–1964* [Candidate of History Dissertation] (Orenburg, 2016). (In Russian)
- Ivanova G. M. *On the threshold of the "welfare state". Social policy of the USSR (Mid-1950s — Early 1970s)* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Kharitonova A. E. 'The main stages of housing construction in the USSR', *Voprosy istorii*, no. 5, 1965. (In Russian)
- Khusnullin H. H. *Formation and development of housing construction in Tatarstan in 1920–1959* [Candidate of History Dissertation] (Kazan, 2004). (In Russian)
- Kurikova G. V. *The main directions and contradictions of mass housing construction in the Gorky region in 1954–1965* [Candidate of History Dissertation] (Nizhny Novgorod, 2017). (In Russian)
- Senyavsky A. S. *Urbanization of Russia in the twentieth century. Role in the historical process* (Moscow, 2003). (In Russian)
- Tikhonov A. L. *Historical experience of the implementation of the state housing policy in the cities of Buryatia in the late 1950s–1991* [Candidate of History Dissertation] (Ulan-Ude, 2016). (In Russian)
- Vlasov S. A. *Housing construction in the Far East (1946–1991)* (Vladivostok, 2008). (In Russian)
- Yaroslavtsev A. V. *State housing policy in the Far East of the USSR in the 1950s and 1960s* [Candidate of History Dissertation] (Khabarovsk, 2011). (In Russian)

Received: October 3, 2022

Accepted: December 29, 2022